

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Свадебный вепок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопровождение бесполезно
Держи меня крепко

***

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки

***

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Незнакомка из прошлого
Расставаясь с прошлым

***

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Леди Фантом
Египетские ночи
Скучающий жених
Черная пантера
Прелестная беглятка
Шелковый поцелуй
Исчезнувшая невеста

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Исчезнувшая
невеста

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Barbara Cartland
THE CHIEFTAIN WITHOUT A HEART

© Cartland Promotions, 1978

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*
Художественное оформление *С. Власова*

Картленд, Барбара.
К27 Исчезнувшая невеста : [роман] / Барбара
Картленд ; [пер. с англ. Н. Л. Холмогоровой]. —
Москва : Эксмо, 2015. — 192 с. — (Colombina.
Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-81345-2

Герцог Стратнарн, став жертвой шантажа, вынужден жениться на дочери вождя шотландского клана. К его удивлению и радости, девушка оказалась прелестна, как сама весна. Он уже готов был смириться с судьбой, но в первую брачную ночь его красавица жена куда-то исчезла...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

© Холмогорова Н., перевод на русский
язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-81345-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

1822 год

— Слава богу, буря утихла!

Лорд Хинчли налил себе бокал бренди и осушил его одним глотком.

— Тебе повезло, — заметил его собеседник, — ты не видел настоящих штормов.

— И не увижу! Разрази меня гром, если я еще когда-нибудь в своей жизни отправлюсь в плавание! Бог свидетель, Тэран, я начинаю верить, что эта страна и вправду — обиталище варваров и злых духов!

— Обычное представление сноба-англичанина о Шотландии, — скривив губы, заметил герцог Стратна-рн.

Лорд Хинчли откинулся в кресле, мысленно поблагодарив судьбу за то, что кресло это не швыряет из стороны в сторону по всей кают-компании — как продолжалось все семь дней их путешествия по суровому Северному морю.

— По моему скромному мнению, — заговорил он доверительно, — ты был трижды прав, когда отряхнул со своих ног прах Шотландии и уехал на юг. А сейчас, Тэран, — и я тебе это уже не раз говорил — ты совершаешь величайшую ошибку в своей жизни.

Герцог, помрачнев, молча отвернулся к иллюминатору, за которым приветливо зеленел берег. Корабль на всех парусах мчался к Ферт-оф-Тэю.

Герцог не собирался объяснять даже лучшему другу, что все его существо протестовало против возвращения в Шотландию — страну, которую он покинул двенадцать лет назад, как полагал, навсегда.

Тогда Тэрану было всего шестнадцать. Он бежал, не выдержав издевательств отца. Стратнарн-старший был груб и несправедлив с мальчиком, жестоко унижая его гордость. В гневе Тэран решил, что не хочет иметь ничего общего ни с Шотландией, ни с народом горцев.

Герцог вспоминал, как, добравшись до Перта, он поднялся на первый попавшийся корабль, идущий в Англию. В кармане у него нашлось лишь несколько мелких монет, и плавание пришлось провести в душной, вонючей каморке под палубой.

Однако лондонские родственники покойной матери приняли беглеца с распростертыми объятиями.

Его отправили учиться сначала в знаменитую Публичную школу, а затем — в Оксфорд. По окончании университета юный маркиз Нарн, пользуясь щедростью своего деда — близкого друга принца-регента, — начал роскошную и утонченную жизнь светского денди.

О Шотландии маркиз почти не вспоминал.

Дед вскоре умер, оставив внуку огромное поместье и крупное состояние. Бывший принц-регент, а ныне король Георг Четвертый, считал себя обязанным покровительствовать внуку покойного друга. Маркиз Нарн наслаждался всем, что мог предоставить Лондон человеку его лет и положения.

Представьте же себе чувства Тэрана, когда три месяца назад он узнал, что отец его умер, а сам он

унаследовал титул не только герцога Стратнарна, но и вождя клана Макнарн!

Кажется, в глубине души он полагал, что отец неподвластен смерти и будет жить вечно.

Когда Тэран вспоминал отца — что случалось нечасто, — старый вождь представлялся ему каким-то могучим несгибаемым существом, вроде тех великанов, легенды о которых он слышал в детстве...

Герцог молчал так долго, что лорд Хинчли, снова наполнив бокал, заметил:

— Вижу, ты не в духе. Физиономия у тебя такая, что у членов этого твоего клана при одном взгляде на тебя душа уйдет в пятки!

— Вот и хорошо, — мрачно ответил герцог, — тогда они, может быть, будут меня слушаться.

Впрочем, сам герцог тут же сообразил, что говорит глупость. Членов клана не нужно принуждать к повиновению — они подчиняются вождю охотно и с радостью. Отец однажды заметил: «Вождь стоит посередине между своим народом и богом».

Странная тревога охватила герцога, и он поспешил напомнить себе, что времена патриархальной дикости миновали. Теперь вождь не имеет власти над жизнью и смертью своих вассалов и взаимные отношения вождя и клана, конечно, изменились.

— Вот что я тебе скажу, — заметил лорд Хинчли, потягивая бренди, — когда мы с Его Величеством поплывем обратно на «Ройял Джордже», я запрюсь в каюте и напьюсь до бесчувствия! И постараюсь не просыпаться, пока в окне не покажется Тильбюри.

— На обратном пути море станет спокойнее, — рассеянно ответил герцог, словно думал о чем-то другом. — Кроме того, Его Величество не страдает

морской болезнью и непременно захочет увидеть, как обрадовались шотландцы его визиту.

— Ты уверен, что они обрадуются? — спросил лорд Хинчли. — По-моему, зря сэръ Вальтер Скотт поддержал короля в этом сумасшедшем желании ехать в Шотландию! Если у шотландцев осталась хоть капля здравого смысла, они встретят Его Величество не приветственными криками, а мрачным молчанием, а то и проклятиями.

Герцог не отвечал, и лорд Хинчли продолжил:

— Мой дед служил в армии Камберленда и принимал участие в битве при Куллодене. Он рассказывал, что после победы началась настоящая резня. Английские солдаты не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. На месте любого англичанина я бы трижды подумал, прежде чем ехать к людям, в чьих сердцах, несомненно, еще жива мысль о мести.

— Битва при Куллодене была очень давно, — ответил герцог.

— Могу поспорить, что шотландцы ее не забыли, — парировал лорд Хинчли.

— Да, пожалуй, ты прав.

— Конечно, я прав! — подтвердил лорд Хинчли. — Они же варвары, а у всех варварских народов существуют кровная месть и вражда, передающиеся от поколения к поколению.

— Я вижу, ты неплохо разбираешься в варварах, — заметил герцог.

— Когда Его Величество приказал мне отправиться вперед и проверить, все ли в Эдинбурге готово к его прибытию, я не пожалел времени и раскопал в библиотеке кое-какие сведения из истории Шотландии и шотландцев.

Помолчав, лорд Хинчли добавил:

— Должен тебе сказать, Тэран, что англичане поступили с шотландцами по-свински. А ведь победили только потому, что были лучше организованы и стреляли из мушкетов!

Герцог ничего не ответил.

— Когда я был еще мальчуганом, — продолжал лорд Хинчли, — дед часто рассказывал мне, как шотландцы шли к Куллодену — голодные, под дождем, по крутым горным склонам, прямо под вражеский огонь! Они шли, построившись по кланам, и впереди каждого клана ехал вождь...

С нетерпеливым жестом герцог вскочил на ноги.

— Ради бога, Уильям, прекрати свои рассказы о битве, происшедшей, когда нас еще и на свете не было! Оба мы отправились в это идиотское путешествие против воли; чем скорее мы покончим со своими делами и вернемся домой, тем лучше!

В голосе его звучала такая ярость, что лорд Хинчли в изумлении уставился на своего друга.

— Мне казалось, — протянул он наконец, — что вообще-то там твой дом.

Герцог сжал кулаки, словно лорд Хинчли задел его за болезненное место. Лорд любил своего друга и не хотел его огорчать, а потому сказал успокаивающе:

— Выпей еще. Ничто так не разгоняет тоску, как хороший французский бренди!

Герцог наполнил стакан из пузатого графина с плоским дном — такая посуда на кораблях незаменима при качке.

Жидкий огонь разлился по жилам, но герцог почувствовал, что бренди не успокаивает его, а, напро-

тив, возбуждает гнев и отвращение к тому, что ждало его на берегу.

После смерти отца герцог не собирался возвращаться в Шотландию. Он стал отрезанным ломтем двенадцать лет назад, когда бежал из родной страны с исполосованной кнутом спиной и жгучей обидой на весь мир.

Если родные считают его предателем — тем хуже для них! Он не собирается считаться ни с чьими чувствами, кроме своих собственных.

Деньги доставляли юному герцогу самые изысканные развлечения, а его мужественная красота притягивала женщин, словно бабочек к огню. У него просто не было времени подумать о чем-нибудь, кроме собственного удовольствия.

Со времен регентства вокруг принца Георга собирались самые изысканные молодые люди Англии. Принц, а затем король, поощрял их рискованные сумасбродства, а порой, несмотря на зрелый возраст, и сам подавал им пример.

Этот кружок экстравагантных светских щеголей, к которым сразу приклеилось прозвище «Денди», возник стараниями знаменитого Красавчика Бруммела. Бруммел давно поссорился с королем и умер в изгнании, а идеи его жили и процветали.

И теперь король, словно ребенок, собирающийся на маскарад, упоенно мечтал о том, как будет принимать приветствия шотландцев в национальном костюме горца!

Знати Эдинбурга был отдан приказ встречать короля во главе своих кланов, в тартанах¹ и под звуки

---

¹ Национальная шотландская одежда. Клетчатая накидка, наподобие плаща, скрепленная на плече застежкой. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

волынок. Необычайный парад должен был состояться двадцать третьего августа, в пятницу, в Портобелло-Сэндз.

Герцогу и в голову не приходило, что на церемонии придется присутствовать и ему, но король ясно дал понять, что надеется увидеть своего юного друга во главе клана Нарнов. Как ни старался герцог, он не смог придумать никакой убедительной отговорки.

К тому же случилось так, что приказ короля (а это был именно приказ) совпал по времени с отчаянным письмом из Шотландии от мистера Роберта Данблейна, управляющего отцовскими землями.

Письмо Данблейна герцог получил, по шотландским понятиям, необычайно быстро — всего через какой-нибудь месяц после отправки.

Из всех слуг отца только Роберт Данблейн вызывал у герцога теплое чувство. Он единственный пытался, хотя и безуспешно, облегчить жизнь мальчика в отцовском доме.

Именно Данблейн несколько месяцев назад известил его о смерти отца, ясно давая понять, что ждет скорейшего возвращения герцога в Шотландию для вступления его в права наследования.

Прочтя это письмо, герцог смял его и бросил в ящик стола.

Ему не нужны ни земля, ни родовой замок, ни клан отца! Его тошнит от всего этого!

Носить титул он готов, но в остальном — чем меньше он будет слышать о Севере, тем лучше. И герцог выбросил из головы просьбы Данблейна.

Однако второе письмо было совсем другого рода: чем дальше читал его герцог, тем больше мрачнело его лицо.

— Идиот! — гневно воскликнул он наконец. — Чертов юнец! Как он только додумался!..

Племянник герцога, Торквил Макнарн, родился в 1806 году, за четыре года до того, как Тэран сбежал из дому. Герцог лишь смутно помнил младенца в пеленках — старшего сына любимой сестры Дженет.

Мать Тэрана умерла, когда он был совсем малышом, и сестра, бывшая двенадцатью годами старше, заменила ему мать.

Она вышла замуж за кузена — тоже Макнарна — и покинула замок, навсегда избавившись от тирании отца.

Единственные светлые воспоминания герцога о Шотландии были связаны с Дженет. Когда шесть лет назад она умерла от родов, порвалась последняя нить, связывающая его с землей, которую он против воли вынужден был называть родиной.

Герцог внимательно перечитал письмо Данблейна. Он чувствовал ответственность за сына Дженет и понимал, что от него требуется.

«Торквил Макнарн — не только племянник вашей светлости, — читал он, — но и дейре — наследник вашего титула и звания вождя клана до тех пор, пока у вас не появится собственный сын».

Действительно, вспомнил герцог, ведь шотландские обычаи признают наследование не только по мужской, но и по женской линии.

Невольно ему пришло в голову, что сын Дженет, кажется, отважный парень. Может быть, из него получится лучший вождь, чем из самого герцога?

Но он тут же цинично напомнил себе, что юному Торквилу не стоит полагаться на наследство. Ведь

рано или поздно герцог женится — хоть сейчас и не чувствует никакого желания влезать в ярмо.

Герцога привлекали женщины, но ни разу он не желал связать с какой-нибудь из них жизнь.

Он считал, что, если видеть женщину каждый день на протяжении месяца, она тебе смертельно надоест.

Женщины, рассуждал герцог, прекрасны лишь постольку, поскольку недоступны. За ними нужно охотиться, как за редкой дичью или за трофеем на войне!

Когда же дичь пала к твоим ногам и трофей завоёван, теряется и интерес, и желание.

И герцог, забыв о старом романе, отправлялся в погоню за новой добычей.

Любовные победы молодого герцога стали при дворе притчей во языцех. Сам король однажды счел нужным прочесть ему наставление.

— Что с тобой, Тэран? — спросил Его Величество. — У тебя за год было больше романов, чем у меня — лошадей в конюшне!

— Как и вы, сэр, я ищу совершенства, — ответил герцог.

Король рассмеялся — он и сам, несмотря на почтенный возраст, до сих пор не пропускал ни одной хорошенькой женщины.

— Но все же, Тэран, — продолжал он, — не забывай, что у этих прелестных созданий, называемых женщинами, тоже есть сердце, которое очень легко разбить. Не заставляй их страдать понапрасну.

— Женщина страдает только в одном случае: когда не может получить то, чего хочет, — цинично ответил герцог. — Но я не для них, Ваше Величество, и им придется примириться с неизбежным.

Король расхохотался и заговорил о другом. Однако, пересказывая этот разговор Уильяму, герцог был очень серьезен, даже мрачен.

— Чего он от меня хочет? — спрашивал Тэран. — Чтобы я женился на каждой женщине, с которой меня связывают близкие отношения?

— Да нет, конечно, — отвечал лорд Хинчли, — но, согласишься, Тэран, ты и вправду меняешь женщин как перчатки. Что, если какая-нибудь из них тронет твое сердце?

— У меня нет сердца, — отозвался герцог, — и меня это нимало не беспокоит.

Лорд Хинчли улыбнулся.

— Ты, мой милый, дразнишь судьбу. Смотри, в один прекрасный день и к тебе придет любовь, тогда ты поймешь, как это ужасно — души не чаять в человеке, который только и думает, как бы от тебя сбежать!

Герцог молча скривил губы в циничной усмешке.

— Черт возьми, Тэран, — воскликнул его друг, — уж слишком ты уверен в себе! Думаешь, что твое обаяние неотразимо? Ладно, продолжай в том же духе, а когда, наконец, попадешь в сети Амура, я над тобой посмеюсь!

— Если такое и случится, что весьма маловероятно, — ответил герцог, — смеяться над собой я не позволю ни тебе, ни кому другому.

...От воспоминаний герцога оторвал голос лорда Хинчли, его приятель спрашивал:

— Что мы будем делать, когда судно причалит к берегу?

— Понятия не имею, — ответил герцог. — Я послал письмо управляющему, сообщив ему название

нашего корабля и примерную дату прибытия в Перт. Надеюсь, что он придет за нами лошадей или карету. А если нет, придется идти пешком.

Лорд Хинчли издал громкий стон.

— Там не больше двадцати миль, — заметил герцог. — Правда, лазать по горам для новичка нелегко.

— По-моему, ты просто надо мной издеваешься, — сказал лорд Хинчли. — Впрочем, в этой богом проклятой стране могут обернуться правдой самые невероятные фантазии. Но все же, Тэран, давай надеяться на лучшее!

Однако герцог и его спутник были приятно удивлены, когда Роберт Данблейн собственной персоной поднялся на борт корабля.

Этот высокий седоволосый человек лет пятидесяти с лишком даже в непривычном для лондонцев наряде — килте¹, шотландском берете и клетчатом пледе, застегнутом на плече огромной серебряной застежкой, — выглядел весьма внушительно.

Герцог протянул ему руку.

— Вас, Данблейн, я узнал бы всюду!

— К сожалению, ваша светлость, я не могу сказать о вас того же, — отвечивал управляющий. Обветренное лицо его сияло улыбкой.

Действительно, в этом высоком, красивом, уверенном в себе молодом джентльмене трудно было узнать затравленного худенького мальчишку, двенадцать лет назад покинувшего отчий дом.

Обтягивающие по моде панталоны, короткий фрак с длинными фалдами и белоснежный накрахмаленный

---

¹ Традиционная шотландская клетчатая юбка.